

Ю.А. Печатнов, доктор технических наук,
доцент

Теория сдерживания: генезис

В работе на основе анализа эмпирических и концептуально-теоретических основ теории сдерживания ее развитие представлено как эволюция парадигм в рамках концепции научных революций Т.Куна. Проведенный анализ позволил отнести проблематику сдерживания к слабо структурированным проблемам и определить место теории сдерживания как специального раздела конфликтологии (теории конфликта), а перспективы развития теории стратегического сдерживания обусловить уровнем проработки междисциплинарных взаимодействий.

«...Впечатляет не то, насколько запутанной оказалась идея сдерживания, и с какой тщательностью ее развивали и улучшали, а то, каким медленным был этот процесс, насколько неопределенными остаются понятия, и насколько незелегантна текущая теория сдерживания...»

*Томас Шеллинг,
The Strategy of Conflict, 1960*

1. Эмпирические основания теории сдерживания

Зачастую всемирная история сводится к истории войн. Отдельные философы (особенно западные) провозглашают войну двигателем прогресса. Ряд авторов, ссылаясь на труды Платона, Гегеля, Мальтуса, Ницше и др., приходят к заключению о том, что миром мы называем перемирие в вечной войне. Однако, с середины XX века такого рода подходы во многом утратили свой креативный потенциал в связи с появлением систем вооружения, которые в случае их применения могли привести не просто к уничтожению армий противостоящих сторон, а к апокалипсису. Это не значит, что войны пропали как явление, но их масштаб существенно снизился. В современном мире не только война, но и сдерживание, и переговоры относятся к числу тех инструментов, которые призваны обеспечивать решение межгосударственных противоречий. В

этой связи понятие «сдерживание» столь же фундаментально, как и понятие «война». А это обстоятельство делает очевидным необходимость глубокого осмысления природы и закономерностей сдерживания, в том числе с опорой на научное мировоззрение.

Глубинные причины феномена под названием «сдерживание» применительно к взаимоотношениям между людьми, группам людей и их социальными образованиями до конца не выяснены и по сей день. Но прошлый век, а особенно его вторая половина, тесно связанная с беспрецедентным по своим масштабам противостоянием двух цивилизаций во главе с Россией и США и объемам затраченных на него ресурсов, стал переломным в развитии механизмов сдерживания, направленных на отстаивание государствами своих национальных интересов с опорой на силовые потенциалы. Однако, истоки этого антагонизма зародились гораздо ранее. С XVIII века по мере роста мощи России и далее практически весь XIX век от поражения Наполеона до Первой мировой войны пронизан грандиозным противостоянием Великобритании и России в Центральной Азии, которое получило название Большой игры. По своей сути Большая игра – это «холодная война» XIX века, спровоцированная паническим страхом Британии за жемчужину своей короны (Индию) и ведущаяся скрытыми от массового сознания способами. То есть уже в те годы начали рельефно проявляться элементы внешней политики ведущих западных

государств, которые впоследствии будут систематизированы в рамках американской доктрины сдерживания коммунизма (так называемое сдерживание в смысле «containment»). Спустя некоторое время «холодная война» XX века будет спровоцирована политикой США, которые, являясь главным бенефициаром Второй мировой войны, не приняли идею отказа от мировой гегемонии и пытались сдерживать (ограничить политическое и экономическое влияние) главного ее победителя, в роли которого выступал СССР. В целом теория и практика сдерживания в США имела и имеет явно выраженную национальную традицию, во многом унаследованную от Великобритании, что позволяет называть такого рода сдерживание англосаксонским.

Безусловно, ключевую роль в трансформации взглядов на механизмы реализации сдерживания сыграл научно-технический прогресс. Появление ядерного оружия в этом контексте сыграло абсолютизирующую роль, в значительной степени обогатив арсенал национальных средств сдерживания, позволив вести речь об устрашении оппонента на совершенно других уровнях информационного взаимодействия. Революционное развитие средств поражения (в первую очередь ядерных) позволило в составе инструментов сдерживания с условной самостоятельностью рассматривать так называемые силовые инструменты, но неверно связывать понятие силового сдерживания исключительно с ядерным оружием. Оно шире и включает саму возможность применения насилия с опорой на потенциал силовых средств, совершенно не обязательно ядерных.

2. Концептуально-теоретические основания теории сдерживания

По мнению автора статьи, наиболее точно генезис теории сдерживания возможно представить с использованием концепции научных революций Томаса Куна [1] и введенного им понятия «парадигмы», под которой он понимал признанные всеми научные достиже-

ния, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений.

Для теории сдерживания характерно несколько парадигм, проявившихся на различных исторических этапах ее становления:

1) Парадигма «стратагемного» сдерживания в неядерном мире (древние времена – начало 1940-х годов). Попытки придать теоретический характер сдерживанию на стратегическом уровне уже присутствовали в работах китайского полководца и военного теоретика Сунь-Цзы, жившего в VI-V веках до новой эры, который рекомендовал в отношениях с вероятным противником следующее: «... самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы». Конечно, эта рекомендация охватывает не только задачу сдерживания, она заведомо шире, но приоритетность срыва замыслов агрессора выражена в ней достаточно ясно. В рассматриваемом контексте можно упомянуть работу «Strategemata» древнеримского полководца Секста Юлия Фронтинна, жившего в I веке до новой эры. В целом основной характеристикой знаний о сдерживании в этот период выступает их структура в форме набора тактических и психологических приемов, используемых (как правило) в конкретных случаях древними полководцами. В этой связи провести четкую границу между военным искусством и сдерживанием не всегда представляется возможным. По своей сути реализуемые в этот период механизмы сдерживания осуществлялись в рамках спецопераций, проводимых государством, отдельными правителями или полководцами. В рамках этой парадигмы наука о сдерживании базировалась на накоплении и систематизации боевого опыта и приемов (стратегических, тактических, психологических) подготовки и ведения боевых действий.

Таким образом, несмотря на то, что на практике инструменты сдерживания использовались несколько сотен лет понятие «сдерживание» вплоть до середины XX века не

имело конкретного политического наполнения, теоретического обоснования, а само сдерживание не рассматривалось как основа официальных военно-политических установок государства.

2) Парадигма ядерного сдерживания (1945 г. – конец 1980-х годов).

Характерными для начального периода формирования этой парадигмы являются ее основания, выражаемые в форме доктрин или концепций (например, концепция всеобщей ядерной войны, концепция ограниченной ядерной войны, концепция взаимного гарантированного уничтожения). Одной из основных исходных посылок доктрины сдерживания была идея мировой гегемонии США, которая была сформулирована и изложена в годы Второй мировой войны в работах Р. Бьюэла, Д. Говарда, Дж. Уэллера, У. Липпмана и др. После Второй мировой войны идея мировой гегемонии США была сформулирована как практическая задача и конечная цель их внешней политики. Эта идея прочно вошла в идейно-теоретический арсенал послевоенной внешней политики США [3].

Теоретическую основу доктрины сдерживания составляла американская историческая школа «политического реализма», яркими представителями которой являлись Г. Моргентау, Р. Страус-Хюпе и Д. Кеннан. Именно последний из них является признанным автором доктрины сдерживания, которую он сформулировал и анонимно опубликовал в работе [6], опираясь на свои первоначальные идеи, изложенные в «Международном положении России после окончания войны с Германией» (1945 г.) и секретной телеграмме, отправленной госдепартаменту в феврале 1946 г. Строго говоря, Кеннан, следуя общему характеру русофобских настроений, характерных для высшего политического руководства США во главе с Г. Трумэном, откровенно фальсифицировал внешнюю политику СССР. Он заявлял, что СССР «фанатически придерживается убеждения, что с Соединенными Штатами не может быть постоянного «модус вивен-

ди»...». Как известно, ситуация была диаметрально противоположной.

Таким образом, в рассматриваемый период теория сдерживания являлась основополагающей при формировании (обосновании) внешнеполитического курса США, поэтому вполне справедливо, что в рамках парадигмы ядерного сдерживания ее рассматривают как неотъемлемую часть теории международных отношений.

В СССР, где основное внимание теоретиков военно-политического курса уделялось идеям классовой борьбы, категория «сдерживание» в его военно-политическом смысле отсутствовало как таковое. Ярким примером тому является отсутствие термина «сдерживание» в Военном энциклопедическом словаре 1984 года [4].

3) Парадигма стратегического сдерживания (начало 1990-х годов – настоящее время).

Смена парадигмы сдерживания на рубеже XXI века во многом связана с процессом появления новых инструментов как силового, так и несилового давления (принуждения) одних государств на другие. Однако, роль средств вооруженной борьбы в этом контексте переоценить невозможно. В настоящий момент разворачиваются новые высокоточные средства поражения в неядерном оснащении, способные решать стратегические задачи «проецирования силы» на любые регионы мира. В этой связи вопросы дальнейшего развития теоретических основ стратегического сдерживания сохраняют свою актуальность.

Если вести речь об уровне проработки и научной обоснованности, то особого внимания заслуживает англосаксонская парадигма стратегического сдерживания, которая является старейшей в мире, чьи элементы перекачивали в национальные оборонные стратегии многих других государств. При этом ряд традиционных для англосаксонской парадигмы стратегического сдерживания элементов в процессе их адаптации в других странах приобрели своего рода национальный колорит. Так, ставший уже традиционным русский тер-

мин «сдерживание» англосаксонская традиция расщепляет на три составляющие.

1. Сдерживание в смысле «containment» – сдерживание путем проведения действий (применения мер) ограничения. Сдерживание в варианте «containment» присутствовало в американской политике с момента возникновения Соединенных Штатов. Его идеи легли в основу доктрины Монро (1823), согласно которой Вашингтон оставлял за собой право противодействовать любой попытке европейских стран закрепиться в Западном полушарии. Именно сдерживание в смысле «containment» явилось отправной точкой во взаимоотношения США-СССР сразу после окончания Второй мировой войны. Однако, бурное и динамичное развитие ядерного оружия привело к обогащению терминологического аппарата теории сдерживания и уже в конце 50-х годов сдерживание начинает употребляться и применяться в смысле «deterrence».

2. Сдерживание в смысле «deterrence» – сдерживание противника путем проведения действий (применения мер) устрашения. Основой обеспечения этого типа сдерживания является угроза возмездия, т.е. возможности (желательной гарантированной) причинения ущерба определенного масштаба за агрессивные действия. Реализация угрозы возмездия предполагает осознание военнополитическим руководством государства-агрессора (коалиции государств), планирующего развязывание агрессии, неприемлемости для него «последствий» несоизмеримых с поставленными целями агрессии вследствие гарантированных ответных действий (мер).

В результате распада СССР у США появилась безнаказанная возможность продвижения своих национальных интересов во всем мире. Именно идея безнаказанности породила дальнейшее развитие концепции устрашения и ее трансформацию в концепцию принуждения (compellance), под информационным прикрытием которой, например, были развязана первая война США в Ираке.

3. Сдерживание в смысле «compellance» – навязывание оппоненту (конкуренту) определенного образа действий или сдерживание путем проведения действий (применения мер) принуждения. Этот тип сдерживания представляет собой совокупность мероприятий, в результате реализации которых от противоположной стороны добиваются совершения необходимых действий. Сдерживание может реализовываться как с формулированием возможной угрозы применения сдерживающих действий (мер) в отношении стороны, так и без ее формулирования. Сдерживание принуждением осуществляется с целью не допустить, чтобы противник (конкурент) завершил то, что он уже начал делать, или заставить его сделать то, что он не желает предпринимать.

В общем случае парадигма стратегического сдерживания в «англосаксонском прочтении» предполагает синтез сдерживающих действий устрашения, ограничения и принуждения в рамках единого механизма. Однако, в настоящее время мы являемся свидетелями смещения акцентов военной политики США в направлении увеличения относительной доли мер принуждения, которые реализуются в форме неограниченных упреждающих действий наступательного характера, как правило, без санкции ООН в интересах обеспечения дальнейшего продвижения национальных интересов.

Для Российской Федерации, пережившей за прошедшие 25 лет несколько глобальных социальных и экономических потрясений, реализация симметричных ответов на существующие и перспективные вызовы, не представляется возможным. В этой связи Российская Федерация вынуждена была осуществлять стратегическое сдерживание ведущих государств мира путем устрашения, в основе которого лежит явная военная угроза, открыто декларируемая и доводимая до потенциального агрессора различными военно-доктринальными и информационными источниками, через политико-дипломатические каналы. Поэтому одним из центральных вопросов для

отечественной теории сдерживания, развиваемой в рамках парадигмы стратегического сдерживания, является вопрос о том, как заставить потенциального агрессора на выгодных для России условиях отказаться от военной агрессии, даже несмотря на его значительное превосходство в силах и средствах вооруженного противоборства.

Ответом на этот вопрос в ближайшие годы является реализация стратегии сдерживания военной агрессии на основе устрашения, включающей две взаимосвязанных составляющих:

сдерживание военной агрессии с опорой на потенциал неядерного оружия – так называемое стратегическое неядерное сдерживание;

сдерживание военной агрессии с опорой на потенциал ядерного оружия – стратегическое ядерное сдерживание.

Необходимо констатировать, что решение задачи обеспечения стратегического сдерживания без опоры на ядерное оружие (ЯО) в нынешних условиях и на прогнозный период представляется нереальным. При этом роль ядерного оружия как фактора сдерживания противника от развязывания крупномасштабной и региональной войны против России и ее союзников не только не снижается, но и возрастает.

Однако, перечень угроз военной безопасности Российской Федерации не исчерпывается только угрозами развязывания крупномасштабных военных конфликтов. Наиболее вероятно втягивание Российской Федерации в вооруженные конфликты и локальные войны. А в этих условиях решение задачи сдерживания путем применения (угрозы применения) ЯО даже в форме ограниченных ударов не дает полной гарантии, что конфликт не пойдет по пути эскалации с неограниченным (массированным) применением ЯО. Это объясняется неоднозначностью оценки противником соотношения выгод от развязанной им военной агрессии с наносимым ему ущербом в результате применения ЯО, который может

оказаться избыточным и спровоцировать противника на дальнейшую ядерную эскалацию межгосударственного конфликта.

В этой связи одним из основных направлений развития отечественной теории стратегического сдерживания являются исследования по поиску мер (средств) ведения вооруженной борьбы, которые позволяли бы в рамках реализации механизма стратегического сдерживания осуществлять устрашение противника без преодоления «ядерного порога», путем угрозы поражения или непосредственного поражения неядерными средствами его критически важных объектов, тем самым заставляя его отказаться на ранних этапах развития конфликта от начала или дальнейшего продолжения военных действий.

Резюмируя, подчеркнем, что для России теория и практика стратегического сдерживания эволюционирует в рамках оборонительного концепта национальной безопасности с опорой преимущественно на военный (силовой) потенциал. Для США сдерживание – это во многом экспансионально-наступательный концепт, обеспечивающий продвижение американских национальных (по сути имперских) интересов посредством устрашения (например, Кореи и Ирана), ограничения (например, России и Китая) и принуждения (например, фактически уничтоженных Ливии, Ирака, Югославии и др.). Таким образом, для России стратегическое сдерживание – это элемент оборонительной стратегии, а для США – это элемент принудительной дипломатии.

3. Роль и место теории сдерживания в системе научных знаний

Вне зависимости от национальных особенностей роль теории сдерживания на современном этапе связана с необходимостью обеспечить разрешение прикладной проблемы, обусловленной, с одной стороны, имманентным стремлением государства к своему развитию в условиях ограниченности государственных ресурсов и, как следствие, защите своих национальных интересов и, с

другой стороны, наличием целенаправленного противодействия ему со стороны других субъектов международных отношений.

Предметом отечественной теории стратегического сдерживания выступает механизм разрешения (предотвращения) межгосударственных противоречий с опорой преимущественно на военный (силовой) потенциал.

Предметом западной теории сдерживания выступает механизм разрешения (предотвращения) межгосударственных противоречий с опорой на потенциал инструментов национальной мощи (экономики, культуры, вооруженных сил и др.).

Специфика предмета теории сдерживания следующая:

определяющими являются не вещественно-энергетические, а структурно-поведенческие свойства;

в структурном отношении в его состав входят как технические, так и биологические системы;

в поведенческом отношении каждый объект и субъект сдерживания является уникальной сложной системой с присущей им наиболее сложной (рефлексивной) формой поведения;

постановка *experimentum crucis* в рамках теории сдерживания нереальна. С одной стороны, из-за уникальности и масштабности исследуемых систем, с другой стороны, из-за опасности подобного рода экспериментов (эксперимент с реальным боевым применением ядерного оружия может стать последним экспериментом для цивилизации).

Всю совокупность научных проблем классифицируем по Г. Саймону, предложившему классификацию, согласно которой все проблемы, попадающие в сферу научных изысканий, подразделяются на три класса:

1. Хорошо структурированные, или количественно сформулированные проблемы, в которых существенные зависимости выяснены настолько хорошо и полно, что они могут быть выражены в числах или символах, получающих, в конце концов, количественные

оценки. Эти проблемы составляют предмет исследования операций и ее многочисленных математических разделов (теория боевой эффективности, математическое программирование и др.).

2. Неструктурированные, или качественно выраженные проблемы, содержащие лишь словесные описания важнейших аспектов изучаемого объекта, его признаков и характеристик, количественные зависимости между которыми неизвестны. Эти проблемы входят в круг проблем гуманитарных наук.

3. Слабо структурированные проблемы, содержащие как качественные, так и количественные элементы, причем качественные, малоизвестные, неопределенные стороны имеют тенденцию доминировать. Эти проблемы составляют основной предмет системного анализа.

В совокупности представленные выше особенности предмета теории стратегического сдерживания позволяют отнести проблематику сдерживания к слабо структурированным проблемам и определить место теории сдерживания как специального раздела конфликтологии (теории конфликта), имеющего преимущественно прикладную направленность.

4. Перспективы развития теории сдерживания

Обращение к материалу истории науки позволяет утверждать, что становление теории сдерживания связано как с внутридисциплинарным развитием знания, так и с трансляцией нормативных принципов из одной науки в другую. Примечательно, что теоретические основы стратегического сдерживания начали оформляться ближе к началу Второй мировой войны на уровне описательных политических теорий. Однако, после окончания войны с появлением ядерного оружия теория сдерживания столкнулась с принципиально новыми типами объектов исследования, требующих иного видения реальности по сравнению с тем, которое предполагалось сложив-

шейся довоенной картиной мира. С появлением ядерного оружия изменились как концептуальные, так и инструментальные составляющие теории стратегического сдерживания. Успехи теории сдерживания, развиваемой в рамках парадигмы ядерного сдерживания, во многом обусловлены тем, что одна из основных гипотез этой парадигмы состояла в постулировании рациональности поведения оппонентов в межгосударственном конфликте. Однако несмотря на достаточно высокий уровень проработки теоретических инструментов, развиваемых в рамках парадигмы ядерного сдерживания, до настоящего времени попытки теории сдерживания исследовать своими методами интимные (иррациональные) стороны поведения противостоящих интеллектуальных субъектов оказались в основном безрезультатными, что зачастую провоцирует крайний пессимизм отдельных специалистов. В этом контексте обращает на себя внимание работа известного американского теоретика Фрэнка Загара (Frank C. Zagare) со звучным названием «Сдерживание умерло. Да здравствует сдерживание» [5], в которой он на основе обобщения эмпирического и теоретического материала приходит к заключению, что «для современной теории сдерживания характерна интеллектуальная разобщенность и концептуальные шатания и, несмотря на единичные взлеты и падения, это состояние дел вряд ли когда либо изменится».

Автор статьи не разделяет такого рода радикальные оценки в связи с тем, что сдерживание агрессора – это во многом искусство, результат творческого, интеллектуального акта, позволяющего трансформировать мощь государства в конкретные дивиденды в сфере обеспечения национальной безопасности. В своем пределе наука способна изучать явления в различных сферах человеческой деятельности. При этом тот факт, что часть знаний из сферы стратегического сдерживания не могут быть переведены в метрическую форму, совершенно не означает невозможность раз-

вития теории стратегического сдерживания. Безусловно, современная теория сдерживания пользуется результатами различных наук (теория конфликтов, теория вооружения, теория боевой эффективности, военная стратегия, военная экономика, психология, политология, теория международных отношений). Поэтому теория стратегического сдерживания является относительно самостоятельной теорией, причем общепринятого понимания ее статуса до настоящего момента не сложилось, она находится в процессе своего становления. В этой связи не исключено, что в ближайшее время решение задач стратегического сдерживания так и будет существовать в виде сферы деятельности, которую нельзя целиком подвести ни под категорию науки, ни под категорию практической профессии.

Такого рода особенности обусловлены тем, что по мере ослабления критериальных норм ядерного сдерживания рациональность противостоящих сторон становится динамической. Метризация ситуаций в координатах «выгода-затраты» становится весьма затруднительной в связи с необходимостью учета широкого спектра социально-психологических параметров, влияющих на оценки потенциальных значений как «выгод», так и «затрат». Так, системы, исследуемые в рамках парадигмы стратегического сдерживания, относятся к числу уникальных саморазвивающихся систем, которые представлены в единственном экземпляре. Современная наука все чаще сталкивается с ситуациями, когда адекватное исследование таких объектов невозможно в рамках какой-либо одной научной дисциплины, поскольку любая отдельно взятая дисциплинарная онтология (специальная научная картина мира) может задать лишь какой-либо один срез объекта, но не в состоянии дать его целостное видение. В этих ситуациях особую эвристическую ценность приобретает общенаучная картина мира [2]. Именно она формирует предварительное видение исследуемого объекта, активно участвуя в постановке проблем, определяя исход-

ную стратегию исследования. Изучение комплексных, уникальных развивающихся объектов возможно только в системе междисциплинарных взаимодействий. Поэтому

проблемы теории сдерживания характерны в целом для междисциплинарного взаимодействия и их решение возможно только в таком формате.

Список использованных источников

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
2. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: Институт философии РАН, 1994. – 274 с.
3. Акопян М.С. Доктрина «сдерживания»: дис. ... канд. историч. наук. – М., 1972.
4. Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1984. – 863 с.
5. Frank C. Zagare. Deterrence Is Dead. Long live Deterrence. *Conflict Management and Peace Science*, 23: 115-120, 2006.
6. The Sources of Soviet Conduct. By M-r X. *Foreign Affairs*, July 1947, pp. 566-582.